



Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

Представления о сакральном характере государства и личности государя в «Записках о государстве Карак» («Карак кукки»)

В. М. Тихонов

(Санкт-Петербургский Государственный университет)

Данная работа посвящена «Карак кукки» («Запискам о государстве Карак»)¹. «Карак кукки» — отдельное историческое повествование, помещенное в конце второго раздела «Самгук юса» («События, оставшиеся от времен Трех государств», 1285) — труда буддийского монаха Ирёна (Ким Гёнмёнъ, 1206—1289). В «Карак кукки» излагается мифологизированная история Тэгарак («Большой Карак»), одной из общин Кая. Считается, что эта община находилась в пределах современного уезда Кимхэ провинции Южная Кёнъсан Республики Корея. Под общинами Кая имеются в виду общины пёнчжинских племен в бассейне нижнего течения р. Нактонъ, преимущественно по западному берегу. Китайские, корейские и японские авторы приводили различные, зачастую взаимопротиворечащие данные о числе каяских общин, их наименованиях и местоположении. Община Тэгарак в разных источниках именовалась Кымгван-Кая («Самгук юса»), Куягук («Саньго чжи», III в.) или Намкара («Нихон сёки», 720)². «Записки...» в основном посвящены периоду независимого существования Тэгарак. Начало этого периода относится в памятнике к середине I в. н. э. Конец независимости Тэгарак был положен силласким завоеванием, датированным в «Карак кукки» 562 г. н. э.

Как отмечает южнокорейский исследователь Юн Сокхё, в Республике Корея «каяская» проблематика до настоящего времени разрабатывалась не очень активно, прежде всего из-за недостатка нарративных источников по этой теме³. В последние

¹ Далее в тексте: «Записки...».

² Хан Тхэнкын. Хангук тхонъса (Общая история Кореи). Сеул, 1988, с. 39—40.

³ Единственным дошедшим до нас источником, полностью посвященным истории Кая, являются «Записки...». Отдельные сведения о Кая можно найти в других повествованиях «Самгук юса». В первом разделе сведения об основателе Тэгарак Ким Суро помещены в «Хронологию государей» (кит.-кор. ванъ-

годы успехи археологических и фольклорно-этнографических экспедиций в провинции Южная Кёнъсан пробудили повышенный интерес к истории и культуре Кая⁴. Сведений о Кая в литературе на западноевропейских языках не очень много⁵, в то время как японские корееведы давно и плодотворно работают над этой тематикой⁶. В отечественном корееведении имеется ряд работ, касающихся истории и культуры Кая. Анализ мифологического содержания «Карак кукки» можно найти в работах М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. История Кая затрагивалась в трудах М. Н. Пака и Ю. М. Бутина. В своей монографии «Древняя Корея» М. В. Воробьев первым в отечественной исторической науке дал комплексный анализ археологических па-

нёк), а перечисление общин Кая — в повествование «Пять Кая» (кит.-кор. *огая*). Два повествования третьего раздела — «Каменная башня Пхаса в крепости Кымгван» (кит.-кор. *кымгван сонъ пхаса соктхан*) и «Изображение Будды на Рыбьей Горе» (кит.-кор. *осан пурёнъ*) — посвящены мифам и ритуалам Кая. В повествовании «Мулкечжа» (пятый раздел) содержится упоминание о войнах каясцев с Силла. Текст источника см.: Ирён. Самгук юса (События, оставшиеся от времен Трех государств). Сеул, 1990, с. 14, 56—57, 217—218, 266—272, 391—393. В «Самгук саги» упоминания о Кая можно найти в «Основных записях Силла» (кит.-кор. *силла понги*; цз. 1—12), «Разных записях» (раздел «География Силла», цз. 34), «Жизнеописаниях» (кит.-кор. *ёл чон*) Ким Юси-на, Садэхама, Мулькечжа (цз. 41, 44, 48). Текст источника см.: Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Пхеньян, 1958—1959. Т. 1—2. В «Синчжын Тонгук ёчжи сыннам» («Обозрение достопримечательностей земель Восточного государства. Новое дополненное издание». Пхеньян, 1959. Т. 1—2) в цз. 29 («Уезд Корёнъ»), 30 («Округ Хёпчхон»), 32 («Округ Кимхэ») пересказывается ряд исторических преданий Кая, в том числе отсутствующих в «Записках...». Сведения о пёнчжинских племенах можно найти в «Хань шу» (цз. 95), «Хоу Хань шу» (цз. 85), «Саньго чжи» (цз. 30), «Нихон сёки» (цз. 5, 9, 10, 17, 19). Собрание текстов этих источников см.: Кая са мунхон ёчхо (Собрание письменных источников по истории Кая). — Кая мунхва (Культура Кая). Отв. ред. Ким Ванги. Сеул, 1990. Вып. 2, с. 131—169. Переводы посвященных протокорейским племенам разделов китайских династийных историй см.: Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 220—258; Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»). — Проблемы востоковедения. 1961, № 1. Как отмечает Юн Сокхё, история Кая отражена в источниках гораздо менее полно, чем история Силла, Пэкчэ или Когурё. См.: Юн Сокхё. Кая са (История Кая). Сеул, 1991, с. 21.

- ⁴ Большую роль в пробуждении интереса к Кая играют Карак чунъанъ чонъчхинхве (Центральное общество потомков жителей страны Карак; основано в 1948 г., председатель — Ким Ёньчжун) и Кая мунхва ёнгувон (Институт исследований каяской культуры; основан в 1988 г., председатель — Ким Ванги). Эти организации восстанавливают памятники каяской культуры, издают книги и сборники статей по истории Кая, сохраняют каяские ритуалы и музыку.
- ⁵ Интерес представляет статья Дж. Грэйсона, посвященная трактовке древних каяско-японских контактов в современной историографии Японии и Южной Кореи. См.: James H. Grayson. *Mimana, a problem in Korean Historiography*. — «Korea journal», august 1977, vol. 17, N 8.
- ⁶ Библиографию японской каяведческой литературы см.: Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон (Большая энциклопедия корейской национальной культуры). Отв. ред. Ли Хёнчжэ. Сеул, 1993, т. 1, с. 111—112.

мятников Кая. Л. Р. Концевич выполнил художественный перевод отдельных фрагментов «Карак кукки» и написал статьи о главном герое «Записок...», основателе Тэгарак Ким Суро, для энциклопедии «Мифы народов мира» и «Мифологического словаря»⁷.

Традиционно считается, что границей силласких и каяских общин была р. Нактонъ: силлаские общины располагались преимущественно на восточном берегу, а каяские — на западном. Как отмечает южнокорейский историк Ким Воллёнъ, сходные географические и климатические условия и этническое родство обусловили близость хозяйственно-культурного типа у каяских и силласких племен. Об этом говорит сходство археологических памятников культур Кая и Силла: «твердой» керамики (кит.-кор. *кёнъчжил тхоги*), золотых корон (кит.-кор. *кымгван*), глиняных изображений всадников (кит.-кор. *кимахёнъ тхоги*), бронзового ритуального оружия (кит.-кор. *ыйсигёнъ чхонъдонъ муги*), ритуальных железных пластин (кит.-кор. *чхольччонъ*) и т. д. По мнению южнокорейского исследователя Чонъ Чжунъхвана, близкая структура мифов об основателе Тэгарак Ким Суро и основателе Силла Пак Хёккосе, схожесть дошедшей до нас ритуально-культовой утвари Кая и Силла говорят об общих корнях их духовной культуры. Ким Воллёнъ даже предлагает назвать общий для Силла и Кая пласт материальной и духовной культуры «ённамским» или «кёнъсанским»⁸.

По мнению Юн Сокхё, развитые торговые связи каяских общин содействовали усилению каждой из них, провоцировали постоянную борьбу между ними и, в конечном счете, препятствовали процессу образования у каясцев централизованного государства. Кроме того, как отмечает М. Н. Пак, каяские общины были ослаблены поражением, нанесенным им и их япон-

⁷ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982, с. 116—124; Троцевич А. Ф. Мотив героя, принесенного водой, в корейских и монгольских преданиях. — Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 74; Троцевич А. Ф. «Поединок Бога Грозы со Змеем» в корейской культуре. — Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993, с. 264—265; Пак М. Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979; Бутин Ю. М. От Чосона к Трем Государствам. Новосибирск, 1974; Воробьев М. В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961; Корейские предания и легенды. М., 1980, с. 53—60; Мифы народов мира. Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1991, т. 1, с. 650; Мифологический словарь. Отв. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1992, с. 289.

⁸ Ким Воллёнъ. Когохак-есо пон Кая (Кая с археологической точки зрения). — Кая мунхва (Культура Кая). Отв. ред. Ким Ванги. Сеул, 1992, вып. 5, с. 19—22; Чон Чжунъхван. Карак кукки-ый конгук синхва (Миф об основании государства в «Карак кукки»). — Кая мунхва (Культура Кая). Отв. ред. Ким Ванги. Сеул, 1991, вып. 4, с. 94, 113. Ённам — традиционное название провинции Кёнъсан.

ским союзникам войсками когурёского Кванъгэтхо-вана (Ко Тамдок; 391—413) в 400 г.⁹ В то же время у соседей каясцев — силласких племен — шел процесс разложения родового строя и перехода к территориальному делению, постепенно создавался бюрократический аппарат. Объединение силласких племен вокруг общины Саро привело к созданию централизованного государства Силла. По мере расширения территории Силла и укрепления его политической организации ширилось и вмешательство силласцев в дела каяских общин. По-видимому, постоянное давление Силла на общинные протогосударства каяских племен и длительная история взаимных контактов сделали возможным относительно бескровное присоединение одного из основных политических центров Кая — общины Тэгарак — к Силла в VI в.¹⁰

Близость культур Кая и Силла и практически бескровное вхождение Тэгарак в состав Силла привели к быстрой ассимиляции потомков правителей Тэгарак с чинголь — высшим слоем силлаской аристократии. Потомки правителей Тэгарак, и среди них великий силлаский полководец Ким Юсин (595—673), сумели породниться с одним из трех ванских родов Силла — кланом Ким из Кёнъчжу. Тем самым они закрепили свое привилегированное положение в государстве¹¹. Как свидетельствует текст «Карак кукки», силлаский государь Мунму (Ким Поммин, 661—

⁹ Юн Сокхё. Кая са, с. 20—22, 44; История Кореи. М., 1974, т. 1, с. 62.

¹⁰ Иначе сложилась судьба другого центра Кая — общины Тэгая (современный уезд Корёнъ, юг провинции Северная Кёнъсан). Опираясь на союз с Пэкче, эта община вела долгие войны с Силла, но была разгромлена и присоединена силласцами. См.: Ким Бусик. Самгук саги, т. 1, с. 85; Ирён. Самгук юса, с. 188.

¹¹ Исполняемая на *каягыме* (букв: «каяский струнный инструмент», «каяские гусли») каяская музыка была в сер. VI в. включена в государственный ритуал Силла. По версии «Самгук саги», каягым был создан каяским государем Касилем (среди перечисленных в «Записках...» государей Тэгарак Касиль отсутствует), а ознакомил с ним силласцев каяский музыкант Урык. В памятнике отмечено, что музыка Урыка не до конца соответствовала силласким ритуальным нормам и была исправлена силласкими музыкантами Чучжи, Кего и Мандоном, см.: Ким Бусик. Самгук саги, т. 1, с. 88; т. 2, с. 126—129. В то же время население сопротивлявшейся силласцам общины Тэгая было частично депортировано; возможности социального продвижения для потомков тэгаяской элиты были ограничены. Показательно, что даже одаренный знаток китайской письменности и литературы Канъсу, отвечавший за всю дипломатическую переписку государя Мунму и отмеченный его милостями, не смог, будучи потомком насельников Тэгая, сделать соответствовавшей его реальному статусу чиновной карьеры. Ни силлаские, ни составленные на их основе корёские памятники не сохранили ни одной записи мифов или ритуалов Тэгая; краткие упоминания о них появляются лишь в памятниках периода Чосон (1392—1910). По-видимому, добровольный или насильственный характер присоединения был для силласких властей одним из решающих критериев в определении политики по отношению к населению вновь приобретенных территорий. См.: Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон, т. 1, с. 458—459.

681), племянник Ким Юсина, в первый же год своего восшествия на престол издал указ о совершении на могиле основателя Тэгарак Ким Суро государственных жертвоприношений¹². Одним из свидетельств высокого статуса Ким Юсина и его потомков служит то, что с биографий самого Юсина, его сыновей, внуков и правнука (известных под общим названием «Ким Юсин чжон» — «Биография Ким Юсина») начинается раздел «Жизнеописания» в «Самгук саги» («Исторические записи Трех государств»; 1145) — труде корёского сановника Ким Бусика (Нвечхон; 1075—1151). Однако, как явствует из этих биографий, неоднократные столкновения Ким Юсина и его потомков с придворными аристократическими кликами несколько ухудшили статус клана потомков государей Тэгарак, резко понизившийся также в результате смены ветвей правящего рода на престоле¹³. В начальный период династии Корё (918—1392) социальное положение потомков Ким Юсина в какой-то степени улучшилось, прежде всего благодаря тому, что на высших постах долгое время находились представители родственного им клана Ли из Ин-

¹² См.: Ирён. Самгук юса, с. 185. В самом указе необходимость принесения жертв духу Ким Суро объясняется тем, что государь Мунму, будучи по матери потомком Ким Суро в пятнадцатом поколении, обязан проявить сыновью почтительность-сяо по отношению к предку. Можно, однако, предположить, что этот указ связан также с конкретными историческими обстоятельствами данного периода. Известно, что Мунму вступил на престол в разгар войны Силла с Когурё и Пэкче за объединение Трех государств. Ведущим полководцем Силла в этой войне был Ким Юсин. Возможно, что жертвоприношениями на могиле Ким Суро Мунму хотел подчеркнуть статус Ким Юсина — прямого потомка Ким Суро — в государстве. Кроме того, в контексте силласких мифоритуальных установок, ставивших судьбу правителя и государства в зависимость от воли предков, это жертвоприношение может быть понято как обращение Мунку к своему предку — Ким Суро — за помощью в критический момент тяжелейшей войны с Когурё и Пэкче. О чудесной помощи предка потомку в ситуации военной опасности рассказывается в одном из повествований «Самгук юса» — «Государь Мичху и войско бамбуковых листьев» (кит.-кор. *мичхувань чугёнкун*). См.: Ирён. Самгук юса, с. 77; Корейские предания и легенды, с. 88—91.

¹³ В 647 г. Ким Юсин сыграл основную роль в подавлении направленного против централизаторской политики государей Силла аристократического мятежа, возглавлявшегося тогдашним лидером силлаской знати — *саньдэдынгом* (главой придворного совета) Пидамом. В 654 г. он же, вопреки сопротивлению аристократии, возвел на престол своего зятя Ким Чхунчху (Тхэчжонь-Мурель-ван; 654—661). Близость внука Ким Юсина, Ким Юнчжуна (VII—VIII вв.) к государю Соньдоку (Ким Хынъгванъ; 702—736) стала объектом острой критики со стороны придворных последнего. В 770 г. потомок Ким Юсина Ким Юнь был казнен по обвинению в мятеже; с точки зрения клана потомков Ким Суро, реальной причиной казни была враждебность придворной аристократии. В 780 г. тесно связанные с кланом Ким Юсина потомки Ким Чхунчху были оттеснены от трона другой ветвью правящего рода; после этого потомки Ким Суро практически не допускались к государственной службе. См.: Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон, т. 4, с. 824, 834.

чхона¹⁴. Члены клана потомков Ким Юсина, добившиеся высоких постов и известности, основывают несколько десятков боковых ветвей рода (кит.-кор. *пха*), существующих до сих пор¹⁵. Город Кымчжу (ныне Кимхэ), находившийся на месте древней столицы Тэгарак, стал центром торговли с японскими купцами. На должность правителей Кымчжу в отдельных случаях назначаются потомки государей Тэгарак: Ким Моккёнъ (XIV в.), Ким Бо (XIV в.), Ким Ёп (XIII в.), знаменитый военачальник Ким Ю (XIV в.)¹⁶. Помещенная в «Карак кукки» переписка кымчжуского землеустроителя Чо Мунсона (?—991) с корёским двором (991 г.) свидетельствует о том, что корёское правительство признавало Ким Суро «совершенномудрым государем» (кит.-кор. *сонъгун*), а жертвоприношения на его могиле — частью государственного ритуала¹⁷. Как предполагает южнокорейский исследователь Ли Чжонъги, именно в среде членов клана потомков правителей Тэгарак, связанных с проведением ритуалов в честь Ким Суро, передавалась из поколения в поколение сакральная информация о прошлом рода. Эта информация, по мнению Ли Чжонъги, и легла в основу «Записок...»¹⁸, автором которых был, как он считает, один из потомков Ким Суро¹⁹.

Из предисловия к «Карак кукки», написанного Ирёном, известно, что «Записки...» (помещенные в «Самгук юса» в сокращенном и отредактированном виде) были созданы в правление корёского государя Мунчжона (Ван Хви; 1047—1082) и ки-

¹⁴ Такие, как тесть и первый министр Мунчжона (Ван Хви, 1046—1083) Ли Чжаён (?—1086), внук Ли Чжаёна, тесть и первый министр Ечжона (Ван У, 1105—1122) Ли Чжагём (?—1126).

¹⁵ Чаранъсыроун на-ый чокпо (Моя родословная, которой можно гордиться). Сеул, 1992, вып. 2. Ким-сси (Род Ким), с. 32.

¹⁶ Там же, с. 33—40.

¹⁷ Ирён. Самгук юса, с. 186.

¹⁸ Другим источником информации для автора «Записок...» мог быть текст на стеле у могилы Ким Суро. Стела была поставлена в 1062 г. (по прошествии восемнадцати полных шестидесятилетних циклов с года восшествия Ким Суро на престол) кымчжуским чиновником Ким Яньгамом (XI в.) по приказу государя Мунчжона и сохранялась до конца XIX в. См.: Чонъ Чжунъхван. Карак кукки-ый мунхонхакчок кочхал (Текстологическое исследование «Карак кукки»). — Кая мунхва (Культура Кая). Отв. ред. Ким Ванги. Сеул, 1990, вып. 3, с. 11—12.

¹⁹ Ли Чжонъги. Карак-кут-ый ёньгванъ (Слава государства Карак). Сеул, 1987, с. 110. Как показывают исследования южнокорейского историка Ха Донъгапа, легенды о Тэгарак и Ким Суро передаются среди населения бывшей территории Кая до сих пор. Часть из них в переработанном виде включена в родословную клана потомков Ким Суро. В этих легендах автохтонные мотивы (ритуалы, связанные с луной; миф о драконе и черепахе) переплетены с буддийскими и даосскими верованиями. См.: Ха Донъгап. Кая-ый сумгёл (Дыхание Кая). Сеул, 1986, с. 117—119. Можно предположить, что бытовавшие подобным образом легенды легли в основу «Карак кукки».

даньского императора Дао-цзуна (1075—1084)²⁰. Следовательно, Ирён относил создание «Записок...» к промежутку 1075—1082 гг. В самом тексте «Записок...» имеется указание, что работа над ними была завершена в год *пёнъчжин* (огня и дракона), на втором году правления ляоского Дао-цзуна под девизом Дай-цзян (Великое здоровье), т. е. в 1076 г.²¹.

В предисловии к «Запискам...» Ирён пишет также, что автором их был некий ученый (кит.-кор. *мунин*) из Кымгвана (другое название Кымчжу), имевший чин *чичжуса*²². Текст «Записок...» содержит ряд эпизодов фольклорного происхождения, инварианты которых известны по хронологически близким «Запискам...» письменным памятникам²³. В то же время одним из средств фиксации мировоззрения корейской архаики становится для автора «Записок...» и образная система китайской литературы. Подобный прием был характерен для духовной атмосферы начального периода династии Корё — времени активного заимствования и «привязки» к местному мифоритуальному коду концептов китайской культуры²⁴. В тексте «Записок...» содер-

²⁰ Ирён. Самгук юса, с. 183.

²¹ Там же, с. 186.

²² Там же, с. 183. *Чичжуса* — корёский чин третьей «истинной» степени, присваивавшийся служащим Чунъчхувона — ведомства, которое консультировало государя, оформляло и издавало его указы.

²³ Так, о рождении Ким Суро в «Ким Юсин чжон» сообщено следующее: «Предок (Ким Юсина) в двенадцатом колене — (Ким) Суро. Что это был за человек, неизвестно. В восемнадцатом году правления поздниханьского Гуань-у, в год тигра имин (42 г.) он поднялся на Квибонъ — Черепашью Гору. Осмотрел девять поселений Карак, затем пошел в ту землю и основал страну, назвав ее Кая. Позже (наименование страны) было изменено на Кымгван-гук». См.: Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Пер. на совр. кор. яз. и коммент. Ли Бёнъдо. Сеул, 1989, т. 2, с. 393. В повествовании «Изображение Будды на Рыбьей Горе» («Самгук юса») тот же эпизод освещен по-другому: «Некогда с неба на берег моря опустилось яйцо. Оно превратилось в человека, который стал управлять государством. Это и был государь [Ким] Суро». См.: Ирён. Самгук юса, с. 269. Рассказ о рождении Ким Суро в «Записках...» представляет собой контаминацию обоих вариантов: будущий государь рождается на Черепашьей Горе, но в то же время из яйца. См.: Ирён. Самгук юса, с. 183; Корейские предания и легенды, с. 53—54.

²⁴ Так, в «Записках...» рассказывается, что шестой государь Тэгарак, Чвачжи (407—421), женился на служанке и сделал ее родственников чиновниками, что ввергло страну в смуту. Уговаривая государя одуматься, один из придворных говорит ему: «<...> Предсказатель гадал [по "И цзину"] и обрел [сороковую] гексаграмму Цзе — "Разрешение". Слова ее гласят: "Разреши пути на больших пальцах твоих ног. Друг придет, и в нем будет правда". Пусть государь посмотрит на [эту] гексаграмму как на зеркало!». После этого «государь извинился, отбросил [от себя] служанку, сослав ее на остров Хасан-до. Изменил свою политику и долгое время мирно управлял народом» (Ирён. Самгук юса, с. 187). Действенность слов придворного была, по-видимому, обусловлена тем, что эта цитата из «И цзина» понималась древним корейцем прежде всего как намек на автохтонную мифоритуальную схему, в которой женщина-«младшая» отождествлялась с ногами мужчины-«старшего» (подр. см.: Никитина М. И. Древ-

жится также осуждение действий Чхунъчжи (X в.) — одного из тех крупных феодалов, добившихся весьма независимого положения в смутные годы падения Объединенного Силла (676—935), на чье сопротивление наталкивалась централизаторская политика основателя династии Корё Тхэчжо (Ван Гон, 918—943) и его преемников. Инвективы в адрес Чхунъчжи, которые можно найти в «Записках...»²⁵, свидетельствуют о том, что автор «Записок...» был сторонником сильной централизованной власти.

«Записки...» начинаются со слов «после сотворения мира» (кит.-кор. *кэбёк чиху*), а кончаются рассказом о современной автору эпохе, т. е. с точки зрения семантики «начала» и «конца»²⁶ могут быть отнесены к числу «всеобщих историй», описывающих рождение космоса из хаоса и его развитие до настоящего момента. В то же время практически весь материал «Записок...» связан с историей общины Тэгарак (симптоматично, что за словами «после сотворения мира» автор «Записок...» сразу фиксирует отсутствие на будущей земле Тэгарак государственности), которая, в свою очередь, подается как цепь мироустроительных деяний основателя этой общины Ким Суро (I—II вв.)²⁷. Космос, таким образом, сводится к одному конкретному государству, а государство — к личности государя. Как показывают исследования М. И. Никитиной, подобная схема была краеугольным камнем архаического корейского мировоззрения²⁸.

«Записки...» как целое посвящены описанию процесса зарождения, созревания и гибели государственности в Тэгарак: название «Карак кукки» уже содержит знак «государство» (кит.-кор. *кук*). В оценке государственности автор «Записок...» исходит из антиномии «цивилизованность» — «дикость», совпадающей с противопоставлением «государство» — «безгосударственный хаос». Событийный ряд в «Записках...» выстраивается в соответствии с общерегиональной концепцией мироустроительных функций государства и государя.

В самом начале «Записок...» рассказывается о состоянии «дикости», в котором пребывали будущие подданные Тэгарак «после сотворения мира». Во-первых, отмечается, что «простой

няя корейская поэзия., с. 70—92). Общедальневосточное тождество «письменный текст-зеркало» также имело глубокие корни в корейском мифе и ритуале, см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия., с. 48—49.

²⁵ Ирён. Самгук юса, с. 185.

²⁶ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992, с. 248—257.

²⁷ Ирён. Самгук юса, с. 183, 186.

²⁸ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия., с. 12—14.

народ жил в горных долинах»²⁹. Обычно в дальневосточной культуре «горные долины» (кит.-кор. *сан я*) выступают как символ «природы», противопоставленной «культуре» — городу³⁰. В данном контексте антиномия «природа» — «культура» смыкается, по-видимому, с противопоставлением «дикость» — «цивилизация». Для населения «цивилизованного», упорядоченного пространства жизнь в горных долинах явно ненормальна: отсутствует «столица», неперемный атрибут цивилизации и государственности.

Во-вторых, о «догосударственном» состоянии будущей земли Тэгарак говорится: «После сотворения мира эта земля еще не была наименована как государство, а также не было здесь ни званый государя, ни подданных»³¹. «Хаосу», таким образом, отказывают в положительной вещественной характеристике, он определяется не как «присутствие» чего-либо, но как отсутствие пространственной и социальной упорядоченности. Апофатические, «нулевые» описания «хаоса» известны и из других традиций, но акцент на отсутствии государственности характерен именно для дальневосточной культуры³².

В-третьих, состояние «доистории» каясцев совершенно очевидно увязывается с неявленностью облика государя. В тот момент, когда начинается процесс перехода из состояния нерасчлененности в состояние организованного космоса, раздается голос с неба³³. Некто невидимый задает программу церемонии, по окончании которой свершится переход в новое качество: появится государь, начнется строительство государства³⁴. Как от-

²⁹ Ирён. Самгук юса, с. 183; Корейские предания и легенды, с. 53.

³⁰ Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М., 1975, с. 204.

³¹ Ирён. Самгук юса, с. 183; Корейские предания и легенды, с. 53.

³² Мифы народов мира, т. 2, с. 582.

³³ Звук как «сигнал» к рождению мужского солярного божества — распространенный мотив корейской и японской мифологий. Так, в повествованиях «Самгук юса» о первых государях Силла рождению Пак Хёккосе (57 г. до н. э. — 3 г. н. э.) предшествует ржание лошади, рождению Сок Тхархэ (57—80) — крик собравшихся на его корабле сорок, а рождению Ким Альчжи (65—?) — крик петуха, см. Ирён. Самгук юса, с. 64—68, 74—75. В «Кодзики» (712) богиня Аматаэрасу и бог Сусаноо перед рождением детей издают звон нитями из яшмовых магатама-бусин, см.: Кодзики-Записи о деяниях древности. Пер., коммент. Е. М. Пинус. СПб., 1993, с. 52—54.

³⁴ В стихотворной части «Записок...» говорится, что церемония продолжалась семь дней, во время которых место действия было окутано туманом и облаками. Затем «в одночасье установилось спокойствие. Ветер подул и облака рассеялись. Небо было голубым, и с голубого неба опустились шесть круглых яиц» (см.: Ирён. Самгук юса, с. 187). В другом повествовании из «Самгук юса», «Свирель, успокаивающая десять тысяч волн» (кит.-кор. *манхва сикчок*), рождению солярного предмета предшествуют те же события: «...не прекращались семь дней ветер и дождь, не рассеивались мгла и мрак. <...> Но

мечено в тексте, этот некто «облик свой затаил, а голос свой обнаруживал» (кит.-кор. *ын ги хёнъ и бал ги ым*), при том что голос его был подобен человеческому (кит.-кор. *ю ё ин ым*)³⁵. Визуализация облика (кит.-кор. *ёнъ бал*) государя — вот тот момент, от которого отсчитывается история Тэгарак как государства, пополнившего собой ряды «цивилизованного» мира. Процедуре перехода от явленности звука к явленности облика отводится значительное место в «Записках...», что говорит о ее концептуальной важности³⁶.

Выше были отмечены три момента, характеризующие рождение государства Карак. Первые два сформулированы китайской исторической мыслью и сводятся к констатации пространственно-социальной неупорядоченности, нерасчлененности космоса³⁷. Третий же — порождение местной традиции. За ним стоит свойственная древнекорейской культуре особая система представлений о мире и человеке, которая в исследованиях М. И. Никитиной определена как «система облика»³⁸. Поскольку, как кажется, именно этот слой представлений является базовым в «Записках...», необходимо предварительно дать общую характеристику этому явлению на основании работ М. И. Никитиной.

Понятия «облик», «облик старшего», «облик государя» — центральные для корейской культуры. Как показывают прово-

вот ветер спал, волны улеглись» (см.: Ирён. Самгук юса, с. 118—120; Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 98). Семь дней продолжается также пребывание одного из первых государей Силла, Сок Тхархэ (57—80), в каменной насыпи на вершине горы Тхохам-сан, предшествующее его «рождению» в качестве активного героя (см.: Ирён. Самгук юса, с. 70—74; Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 164). Как отмечает М. И. Никитина, семь дней требуются Дракону и Черепахе, для того чтобы «зачать» солярный предмет, см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 100, 300. Контрастное противопоставление хмурого, покрытого тучами неба до рождения солярного предмета и светлого, ясного — после подчеркивает светоносную сущность «облика» Дитя-Солнце и его способность приводить космос в состояние гармонии.

³⁵ Несколько по-другому выражена та же идея в стихотворной части «Записок...»: «Смотришь — кажется, что нет облика; слушаешь — и имеется звук» (см.: Ирён. Самгук юса, с. 187).

³⁶ Так, в стихотворной части «Записок...» этой процедуре посвящено 72 знака из 240, см.: Ирён. Самгук юса, с. 187.

³⁷ Ср. описание хаоса в «Гуань-цзы» (IV в. до н. э.): «В древности не было разделения на правителя и подданных, на верхи и низы...». (см.: Древнекитайская философия. Собрание текстов. В 2-х т. М., 1973, т. 2, с. 18).

³⁸ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 7—181; Никитина М. И. Взаимодействие культур и проблема субстрата. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 18-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) 1983—1985. Ч. 1. М., 1985, с. 205—211; Никитина М. И. Представления об «облике» враждебного адресата, «старшего» и «младшего» в хянга «Песня о разбойниках» (VIII в.) и «Песня Чхоёна» (IX в.). — Литературы стран Дальнего Востока. М., 1979, с. 104—112.

димые М. И. Никитиной исследования корейской мифологии и ритуальной поэзии, социально значимое лицо в древнекорейской культуре мыслилось воплощением целостности и благополучия коллектива, воплощением сил космоса. Считалось, что любой старший воздействует на космос и социум автоматически, в силу своего статуса. Вершиной иерархической пирамиды был государь, по отношению к нему младшими выступали все подданные государства. Государь лично отвечал за все происходящее в природе и обществе. Духовное и физическое здоровье государя имело следствием идеальное состояние всего космоса; нарушение его автоматически влекло за собой космические последствия. Поэтому самой важной обязанностью младшего считалось наблюдение за состоянием «облика государя», подразумевавшее, при необходимости, активные усилия младшего для приведения «облика старшего» в норму. «Облик государя» (равно как и любого другого социального старшего) был видимой материализацией его духовной энергии. «Облик государя» имел биологическую (зоо- или антропоморфную), растительную и световую «ипостаси», т. е. в ритуале и мифе мог быть представлен портретным изображением, деревом, потоком лунного света и т. д. Благодаря зрительным и психическим операциям, направленным на различные «ипостаси» «облика старшего», реализуемые в ходе ритуала, младший мог узнать, идеально состояние «облика государя» (= космоса) или нет. После этого нужно было либо сохранить идеальное состояние «облика», либо, если это требовалось, выправить неидеальное. Одним из приемов было составление письменного текста, в том числе, если речь шла об «облике» старшего прошлого поколения, — текста исторического. Считалось, что составленный в определенной обстановке и по определенным правилам письменный текст может, подобно магическому шаманскому зеркалу, энергетически воздействовать на окружающий мир³⁹, причем без каких-либо временных ог-

³⁹ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 48—49. Ср. также описанные в «Биографии Кунъе» («Самгук саги», цз. 50) обстоятельства восшествия будущего корёского Тхэчжо, Ванъ Гона, на престол. Один китайский купец приобрел на рынке древнее зеркало и, придя домой, повесил его на стену. Зеркало тут же отразило солнечные лучи, и на нем стал виден текст, который оказался стихотворением, предрекавшим приход Ванъ Гона к власти. Впоследствии для группировки Ванъ Гона это предсказание стало одним из важнейших аргументов, оправдывавших захват ее лидером трона. Как считает южнокорейский ученый Ли Бёндо, весь эпизод с зеркалом был инсценирован сторонниками Ванъ Гона. То, что несший явно магическую функцию — «программирование» желательного для авторов варианта будущего — текст был «совмещен» с зеркалом, показывает, насколько укоренилось в сознании корейцев тождество «текст-зеркало». См.: Ким Бусик. Самгук саги. Пер. на совр. кор. яз. и коммент. Ли Бёндо. Сеул, 1989, т. 2, с. 453.

раничений. Форма и сила магического воздействия текста зависели и от того, какая именно энергетическая ситуация в космосе, какое духовное состояние старшего (= его «облик») в нем увековечены. Следовательно, исторический текст, запечатлевший идеальный «облик государя» (= космоса) прошлого, автоматически оказывает благотворное воздействие на любую последующую эпоху; исторический текст, вскрывший неидеальность «облика государя» (= космоса) прошлого, автоматически помогает избежать подобных недостатков в будущем⁴⁰. В идеальном случае исторический текст, как считается, играет роль «передаточного механизма», хранящего и распространяющего энергию правителя прошлого на благо будущих поколений⁴¹.

В сущности, в известном смысле «Записки...» есть воссоздание в слове, средствами исторического сочинения, «облика» государя Ким Суро. Основная часть «Записок...» посвящена возникновению и функционированию государственности. Этот процесс сводится в тексте к ряду мироустроительных действий Ким Суро. Описывая узловые моменты государственного строительства как мироустроительные акции Ким Суро, автор «Записок...» делает «облик» Ким Суро тождественным «облику» Тэгарак как целого. В то же время для детальной характеристики «облика» Ким Суро в тексте используется несколько приемов.

1. В «Записках...» содержится ряд атрибутивных описаний «облика» Ким Суро, вводящих его в определенный временной контекст. Уже в начальной части «Записок...», сразу после рассказа о рождении Ким Суро и его братьев, автор замечает: «Обликом были очень величественны» (кит.-кор. *ёнъ мо сим ви*)⁴². Эта достаточно общая характеристика конкретизируется идущим сразу после нее подробным сравнением антропоморфной «ипостаси»

⁴⁰ Ср. формулировку Ким Бусика функций исторического сочинения: «...выявить добро и зло, [совершавшееся] государями и государынями, преданность и неверность подданных и сыновей, спокойствие и мятежность народа, благополучное и опасное положение дел в стране и тем самым сотворить наставление..., которое передавалось бы [из рода в род] десятью тысячами [будущих] поколений и светило бы им, подобно солнцу и звездам» (см.: Ким Бусик. Самгук саги. Пер. на совр. кор. яз. и коммент. Ли Бёндо. Сеул, 1989, т. 2, с. 1). Для древнего корейца, таким образом, исторический текст — это источник света, выявляющий идеальность или неидеальность старших («государь и государыни»), младших («подданные и сыновья», «народ»), космоса-социума в целом («положение дел в стране») и помогающий приводить Вселенную будущего («десять тысяч поколений») в идеальное состояние.

⁴¹ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 48—49.

⁴² Ирён. Самгук юса, с. 183; Корейские предания и легенды, с. 54. Как подчеркивает М. И. Никитина, именно с помощью знаков «мо», «хёнъ» и «ёнъ» обычно передавалась категория «облика» в корейских иероглифических текстах, см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 15.

«облика» Ким Суро с наиболее значимыми чертами облика идеализированных правителей китайской древности: «Ростом [Ким Суро] был в девять чхоков — словно иньский Тянь-и, осанкою напоминал дракона — словно ханьский Гао-цзу. Имел восьмицветные брови, как Яо, и двойные зрачки, как Шунь»⁴³. Этот ряд сравнений приобщает Ким Суро, а следовательно, и Тэгарак, к общерегиональному историческому времени; делает восшествие Ким Суро на престол и основание им государственности в Тэгарак такой же «отправной точкой» общерегиональной истории, какой считалось правление Яо, Шуня или Чэн Тана.

Во второй части «Карак кукки», посвященной истории Тэгарак после смерти Ким Суро, описывается внешний вид могилы Ким Суро: «Со времени, когда был заложен храм [Ким] Суро, и до этого года прошло восемьсот семьдесят восемь лет. За это время посаженные на могиле государя [Ким Суро] прекрасные деревья не засохли и не сгнили — [как стояли, так и стоят]»⁴⁴. Указание на деревья здесь не случайно. Деревья на могиле Ким Суро, по всей видимости, представляют растительную «ипостась» его «облика»⁴⁵. В тексте утверждается, что деревья у могилы не сохнут на протяжении почти девяти веков. В мифоритуальном контексте «Карак кукки» это утверждение имеет вполне определенный смысл.

Корейский обычай, обязывающий потомков сажать вечнозеленые деревья на могиле предка, уходит корнями в глубокую древность и строго соблюдается по сей день. Уже в «Саньго чжи» отмечалось, что протокорейские племена «могилы делают из сложенных в виде холмика камней, а вокруг них сажают сосны и тую»⁴⁶. Вплоть до наших дней могилы Ким Суро и его знаменитого потомка Ким Юсина обсажены соснами. Скорее всего, и в «Карак кукки» речь идет именно о сосне или кедре (для обо-

⁴³ Ирён. Самгук юса, с. 183; Корейские предания и легенды, с. 54.

⁴⁴ Ирён. Самгук юса, с. 186.

⁴⁵ Уподобление человека, коллектива или социально старшего дереву — универсальная архаическая модель, см.: Мифы народов мира, т. 2, с. 396—406. Можно предположить, что корейские представления о дереве как «ипостаси» «облика» старшего родственны определенным чертам мирозерцания тюркских народов, см.: Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990, с. 43—63.

⁴⁶ Цит. по: Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»), с. 121. О существовании подобных обычаев в древнем Китае свидетельствует изречение Конфуция: «Ай-гун спросил Цзай-во относительно жертвенника [духу-покровителю] Земли. Цзай-во отвечал: "Сяьские государи обсаживали жертвенники соснами, иныцы — кипарисом (кит. бо, кор. пэк, другой перевод — "кедр", "туя")". Цит. по: Стратанович Г. Г. О ранних верованиях древних китайцев (тотемизм). — Краткие сообщения Института Народов Азии. 61. М., 1963, с. 62.

значения этого дерева в поэтическом тексте — *хянга* — использовался знак *туя*, в современном китайском языке звучащий как *бо* и в современном корейском — как *пэк*). Как показали исследования М. И. Никитиной, в древнекорейской культуре вечнозеленое дерево в ритуале и мифе выступало как эталонная «ипостась» «облика старшего», подразумевающая «вневременность» «облика», неподвластность его сезонным природным ритмам⁴⁷. Можно предположить, что посадка младшими (потомками) сосен или кедров на могиле старшего (предка) наряду с заупокойными службами⁴⁸ была призвана уберечь «облик старшего» от разрушительного действия времени, обессмертить его: как вечнозеленое дерево не боится снега (= смены сезонов, т. е. времени), так и «облику старшего» не страшны века⁴⁹. В хронотопе мифа и ритуала корейцев листья (иголки) дерева отождествляются с младшими, а дерево как целое представляется растительной «ипостасью» «облика старшего». Как вечнозеленое дерево не теряет иголок зимой, так и связь младший-старший в этом случае закрепляется растительной «ипостасью» «облика старшего» навечно⁵⁰. Конечно, реальные сосна или кедр, посаженные у могилы Ким Суро, вряд ли могли не высохнуть в течение девяти веков⁵¹. Но в мифоритуальном контексте упоминание о «бессмертных» деревьях на могиле Ким Суро означает, что и «облик» Ким Суро рассматривается как вневременной, не зависящий от солнечных циклов умирания-возрождения природы.

Если предположение о том, что в «Записках...» имеются в виду хвойные деревья, верно, то, как кажется, описание внешнего вида могилы Ким Суро можно понять и как утверждение о неразрывной связи старшего — Суро и младших — потомков (членов рода Ким из Тэгарак). Учитывая то, что автор «Записок...» предположительно и сам являлся потомком Ким Суро (см. выше),

⁴⁷ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 28—40.

⁴⁸ Автор «Записок...» подчеркивает вечность могилы Ким Суро и непрерывность заупокойных служб, совершающихся при ней, ср.: «Хотя государство [Тэ]гарак и погибло уже в древности... но могила [Ким] Суро не разрушилась [вплоть до сегодняшнего дня]»; «Не прекращаются потомки [Ким Суро], жертвоприношения [на его могиле] все так же ароматны. Хотя время (букв.: «солнце и луна») проходит, ритуал [поминальных] жертвоприношений [в честь Ким Суро] не нарушается» (см.: Ирён. Самгук юса, с. 186—187). Ритуал жертвоприношений оказывается, таким образом, причастным бессмертию и неподвластным разрушительному действию времени.

⁴⁹ Этот образный ряд исследован М. И. Никитиной на материале хянга «Славию хварана Кипха», см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 35—39.

⁵⁰ Там же, с. 32—37.

⁵¹ Кедр живет 200—250 лет, одиночные экземпляры — 400—500 и более лет, см.: Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1953, т. 20, с. 485.

подобное утверждение приобретает оттенок клятвы в верности старшему (образец такой клятвы дает хянга «Песнь о хваране Кипха»)⁵². Декларируемая в этом фрагменте «Записок...» причастность «облика» Ким Суро бессмертию служит сакральной антитезой профаническому представлению о том, что Ким Суро умер, создает противопоставление «вечность облика» — «смертность тела»⁵³.

За разделом «Записок...», посвященным истории Тэгарак после смерти Ким Суро, следуют стихи (двести сорок знаков, шестьдесят строк по четыре знака в каждой), в которых основная идея прозаического повествования сформулирована четко и сжато. В стихах о смерти Ким Суро говорится следующим образом: «[Он ушел из жизни] неожиданно, [словно] высохшая [под действием солнечных лучей] на луке душистом (*Allium odogum*) роса. Не сумел сохранить долголетие дерева-чунь» (кит.-кор. *а хи хэ ро, ми бо чхун нёнъ*)⁵⁴. Ли Чжонъги подчеркивает, что с деревом-чунь отождествлялся Ким Суро, и предлагает другой перевод этих двух строк: «Неожиданно [солнечные лучи] высушили росу на луке душистом. Дерево-чунь (= Ким Суро) не сохранило [присущего ему] долголетия»⁵⁵. Как известно, дерево-чунь (*да чунь*), упоминаемое в «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы» (IV—III вв.), служило на Дальнем Востоке символом долголетия. Считалось, что «восемь тысяч лет [для него] длится весна, восемь тысяч лет — осень»⁵⁶, живет же оно тридцать пять тысяч лет⁵⁷. Знак *чунь*

⁵² Исследование этой хянга также см.: Хянга мунхак ёнгу (Исследование литературы хянга). Сеул, 1993, с. 426—436. Высеченный на камне текст клятвы младшего старшему, датируемый приблизительно VII в., был найден в мае 1940 г. под Кёнъчжу, на берегу реки (где, видимо, клятва и приносилась). Записанный на ханмуне текст гласит (в расшифровке Ли Бёндо): «В шестнадцатый день пятой луны года воды и обезьяны имсин двое человек вместе записывают [свою] клятву: "Перед Небом клянемся, что отныне и в течение трех лет будем придерживаться пути верности, не совершать ошибок. Если нарушим эту клятву, клянемся принять от Неба великое наказание. Если в государстве не будет спокойствия и воцарится великая смута, клянемся, что сможем действовать так, как [нашему] облику подобает". Также отдельно, до этого, в двадцать второй день седьмой луны года металла и овцы синми приносили великую клятву в том, что поочередно будут изучать "Шицзин", "Шуцзин" и "Лицзи". На три года клялись» (см.: Ли Бёндо. Хангук юхак са (История корейского конфуцианства). Сеул, 1989, с. 45—47).

⁵³ На этом противопоставлении построено известное сичжо Чон Мончжу (1337—1392) «Пусть мое тело умрет, умрет», см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 280—283.

⁵⁴ Ирён. Самгук юса, с. 187.

⁵⁵ Ли Чжонъги. Карак-кут-ый ёнъгванъ, с. 127.

⁵⁶ Чжуан-цзы. Изд. текста, пер. на совр. кор. яз. и коммент. Сонъ Чжиёна. Сеул, 1987, с. 12; Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу, Ле-цзы, Чжуан-цзы. Вступ. ст., пер. и коммент. Л. Д. Позднеевой. М., 1967, с. 86, 136, 344.

(кор. *чхун*) имел также значение «отец», «старший»⁵⁸, а потому в русскоязычной китаеведной литературе дерево-*чунь* иногда называется «дерево Отец»⁵⁹. Что же дало автору «Записок...» основание сравнить Ким Суро с деревом-*чунь*?

По-видимому, отождествление Ким Суро с деревом-*чунь* подразумевало определенный мифоритуальный контекст, понятный как автору «Карак кукки», так и его потенциальной аудитории. Как уже говорилось, дерево в архаической Корее являло собой одну из «ипостасей» «облика старшего». «Облик старшего» вмещал в себя не только весь пространственный космос, но и циклическое время, в том числе и годовой цикл, членившийся на весенний и осенний сезоны⁶⁰. В связи с этим, как отмечает М. И. Никитина, и ритуалы, связывавшие младшего с «обликом старшего», явственно подразделялись на весенние и осенние⁶¹. Дерево-*чунь*, в жизненном цикле которого известный каждому образованному корейцу текст отмечал равные по продолжительности весну и осень, было идеальным воплощением «облика старшего», гармонически сочетающего в себе оба годовых сезона.

Кроме этого, в «Чжуан-цзы» упоминается, что весна и осень дерева-*чунь* длятся по восемь тысяч лет. Как отмечает М. И. Никитина, в дальневосточной культуре с «восьмеркой» связывалось представление о «завершенности», «укомплектованности», полноте космоса. В архаической корейской традиции «восьмерка» рассматривалась, кроме того, как сумма «тройки» и «пятерки», символизирувавших соответственно женское и мужское начала. Одновременная причастность как женскому, так и мужскому началам считалась необходимой принадлежностью «облика старшего», свидетельством его полноты и гармоничности⁶². В этом мифоритуальном контексте отождествление Ким Суро именно с деревом, жизненный цикл которого определяется «восьмеркой», представляется не случайным. Тем более, что число «тридцать пять тысяч» — а именно столько лет, по легенде, живет дерево-*чунь* — также воспринималось древним корей-

⁵⁷ Куго тэсачжон (Большой словарь родного языка). Отв. ред. Ли Хисынъ. Сеул, 1988, с. 860.

⁵⁸ Тэокпхён (Большой китайско-корейский словарь). Отв. ред. Чанъ Самсик. Сеул, 1987, с. 338.

⁵⁹ Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая..., с. 344.

⁶⁰ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 58. Ср. семантику личного имени Ким Чхунчху (будущего государя Тхэчжонъ-Мурёля), буквально означающего «весна и осень».

⁶¹ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 15—60, 83—91.

⁶² Там же, с. 243—260, 295—296.

цем как комбинация «тройки» и «пятерки», характеризующая «облик старшего» как одновременно «сверхмужской» и «сверхженский». Несомненно, облегчало отождествление «облика» Ким Суро с деревом-чунь и то обстоятельство, что значения «старший», «отец» изначально присутствовали в семантическом поле знака чунь⁶³.

2. В «Записках...» содержится ряд функциональных описаний «облика» Ким Суро, характеризующих его через совокупность ритуальных действий мироустроительного плана. Практически все ритуальные действия, связанные с «обликом» Ким Суро, приходятся на четыре основные «пороговые» ситуации, определяющие жизненный цикл человека в большинстве архаических обществ. Это — ритуалы, соотнесенные с рождением, инициацией, свадьбой и смертью (= погребением и последующими регулярными жертвоприношениями) Ким Суро. Описанные в «Карак кукки» ритуалы рождения и погребения Ким Суро подразумевали отождествление героя «Записок...» с мужским солярным божеством, появляющимся на свет ежегодно весной. Как свидетельствует текст «Записок...», и рождение и смерть Ким Суро приходятся на третий лунный месяц. В том же месяце вступает на престол — «нарождается» — наследник Ким Суро государь Кодын. Начало жизни Ким Суро, таким образом, совпадает с началом солярного цикла. Это обстоятельство должно было, очевидно, указывать на связь Ким Суро с солнцем как с «молодым, набирающим силу светилом»⁶⁴. Соотнесение «облика» государя с весенним солнцем свидетельствовало в пользу идеального характера первого⁶⁵.

Как явствует из «Записок...», Ким Суро и пятеро его братьев первоначально рождаются в форме шести золотых яиц. Ларец с этими яйцами оставляют в доме одного из каяских старейшин, Адогана, где он находится в течение двенадцати суток (по другому варианту перевода — двенадцати часов)⁶⁶. Только после этого утром из яиц появляются «шестеро младенцев величавого вида», которые через десять с лишним дней становятся

⁶³ Как уже упоминалось, дерево-чунь обычно называлось «большое чунь» (*да чунь*), что подразумевало соответствующую характеристику «облика» Ким Суро.

⁶⁴ Как отметила А. Ф. Троцевич, в третьей луне рождаются такие персонажи корейской мифологии, как Пак Хёккосе (умерший также в третью луну) и Ким Альчжи, см.: Троцевич А. Ф. «Поединок Бога Грозы со Змеем» в корейской культуре..., с. 261—265.

⁶⁵ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 84, 292—294.

⁶⁶ Ирён. Самгук юса, с. 183; Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 118; Корейские предания и легенды, с. 54.

взрослыми⁶⁷. В корееведческой литературе уже отмечалось, что числа «двенадцать» и «десять» в этом контексте отнюдь не случайны. «Двенадцать дней, изоморфные двенадцати месяцам, в ритуале могут пониматься как годовой цикл», — пишет М. И. Никитина⁶⁸. Можно предположить, что как для автора «Каракукки», так и для его аудитории была актуальна традиционная дальневосточная концепция времени-пространства, в которой двенадцать «земных ветвей» отождествлялись с луной и женским началом, а десять «небесных пней» — с солнцем и мужским началом. В этом случае стадия «донашивания предмета»⁶⁹, неявленности антропоморфной «ипостаси» «облика» Ким Суро оказывается связанной с лунным временем, а стадия «окончательного рождения» мужского солярного божества в облике человека — с солнечным. Видимо, в мифе и ритуале операция «донашивания» (т. е. процедура смерти-рождения) соотносилась с ночью и луной как ночным светилом, а «окончательное рождение» Ким Суро-человека — с утром и утренним «нарождением» солнца. Облик же Ким Суро оказывается соотношенным одновременно и с луной (женское начало, земля, «двенадцать»), и с солнцем (мужское начало, небо, «десять»), т. е. целостным, эквивалентным всему мирозданию, сопричастным ритму пространственно-временного континуума Вселенной.

В «Записках...» говорится, что Ким Суро умер в возрасте ста пятидесяти восьми лет. Жертвоприношения в его память совершались в третий и седьмой день первого месяца, пятый день пятого месяца и в пятый и пятнадцатый дни восьмого месяца. Таким образом, и возраст Ким Суро (т. е. его жизненный цикл), и порядковые номера месяцев, на которые приходятся жертвоприношения ему (составляющие годовой цикл), выражаются набором одних и тех же цифр — «единицы», «пятерки» и «восьмерки». С точки зрения мифоритуального «фона» произведения, это совпадение кажется не случайным. Можно предположить, что в «Записках...», как и в ряде других архаических корейских текстов, «пятерка» символизирует «мужские» свойства «облика» Ким Суро, а «восьмерка» (как сумма «пятерки» и «тройки») — его полноту, идеальность, гармоничность⁷⁰. Отсутствие символизировавшей женское начало «тройки» могло быть указанием на то, что «облик» Ким Суро понимался как завершённый и

⁶⁷ Ирён. Самгук юса, с. 183; Корейские предания и легенды, с. 54.

⁶⁸ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 123—124.

⁶⁹ Там же, с. 128—129.

⁷⁰ Там же, с. 254.

гармоничный, но все же преимущественно «мужской». Жертвоприношения духу Ким Суро в первом месяце подтверждали, по-видимому, его связь с началом весны, с «молодым» весенним солнцем⁷¹. Тот факт, что жертвы приносились весной (первый месяц), летом (пятый месяц) и осенью (восьмой месяц), т. е. в три сезона из четырех, может быть понят как косвенное указание на существование в Тэгарак тройственного деления годового (= жизненного) цикла. Следы представлений о трехчленности жизни (год = жизнь) обнаружены М. И. Никитиной в ряде произведений арахической корейской литературы⁷².

Таким образом, содержащиеся в «Записках...» атрибутивные и функциональные описания «облика» Ким Суро вводят последний в координаты различных типов ритуального времени, пространства, энергии. Жизненный цикл Ким Суро (соотнесенный с антропоморфной «ипостасью» его «облика») описывается в тексте как идентичный годовому солярному циклу, т. е. подразумевается также наличие световой «ипостаси» «облика» Ким Суро — солнца⁷³. Посмертное существование «облика» Ким Суро (соотнесенное с его растительной «ипостасью») описывается в тексте как внеположенное циклическому солярному времени, не подверженное сезонным природным изменениям, т. е. причастное «вневремени», вечности. По аналогии с ритуалами Силла, где хвойное дерево (как растительная «ипостась» «облика») выступало в паре с луной (как световой «ипостась» «облика»), можно предположить, что растительная «ипостась» «облика» Ким Суро (дерево, по всей видимости, хвойное, у могилы) подразумевает также наличие световой «ипостаси» «облика» государя — луны⁷⁴. Тем самым «облик» Ким Суро обретает, с

⁷¹ Третий и седьмой дни первой луны, в которые приносились жертвы духу Ким Суро, в корейском народном календаре были известны как, соответственно, «день тигра» и «день лошади», см.: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М., 1985, с. 96. Как указывает М. И. Никитина, в реконструированном ею мифе о Женщине-Солнце тигр соответствует Дракону в рождающей Дитя-Солнце паре «Дракон + Черепаха», см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 106—107. На хтоническую семантику лошади в древнекорейском мифе и ритуале указывает А. Ф. Троцевич, см.: Троцевич А. Ф. «Поединок Бога Грозы со Змеем» в корейской культуре..., с. 262. Учитывая, что в государственном ритуале Тэгарак Ким Суро являлся Сыном-Солнце Горы-Черепахи (см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 118—124), выбор «дня тигра» и «дня лошади» для жертвоприношений его духу кажется не случайным.

⁷² Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 265.

⁷³ Универсальные представления о социально значимом лице — племенном вожде, государе — как об источнике света (солнце, луна) подробно описаны Дж. Фрезером. См.: Фрезер Дж. Золотая ветвь. Вып. 1—4. М., 1928.

⁷⁴ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 81.

точки зрения своих хромотопических координат, гармоничную целостность и завершенность, ибо соотносится и с дневным (солнечным), и с ночным (лунным) временем суток; и с весной (солнечная «ипостась» «облика»), и с осенью (лунарная «ипостась» «облика»); и с циклическим воскресанием-умиранием природы, и с бессмертием. Своеобразным медиатором между солярным и лунарным временем являются в хромотопе «Записок...» регулярные жертвоприношения духу Ким Суро, привязанные к датам годового (= солярного) цикла и в то же время — подчеркнуто непрерывные, не подверженные разрушительному действию времени⁷⁵. Другим важным доказательством «полноты», целостности «облика» Ким Суро было для автора «Записок...» соотношение его и с мужским началом («пятерка»), и с женским («тройка»), и с гармоничным итогом взаимодополнения обоих начал («восьмерка»). Как отмечает М. И. Никитина, соотношение государя и с солнцем, и с луной, и с мужским началом, и с женским как показатель космической полноты государева облика было характерно для мифа и ритуала Силла. Такой временной и энергетической полнотой характеризуется в корейских текстах целый ряд социально значимых личностей Силла — Сок Тхархэ⁷⁶, Ким Альчжи⁷⁷, Чхоёнъ⁷⁸, Чхундам, Вольмёнъ⁷⁹ и др. Эти люди встали, таким образом, на уровень задаваемой государственной идеологией Силла задачи — «с помощью света (= времени) управлять миром»⁸⁰. Наконец, сопоставления облика Ким Суро с внешним видом персонажей китайской истории вводят основание государства Тэгарак в контекст общерегионального исторического времени. Таким образом, в «Записках...» автономные временные координаты сочетаются с общерегиональными историческими.

⁷⁵ См. примеч. 48.

⁷⁶ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 294.

⁷⁷ В «Самгук саги» говорится, что Ким Альчжи родился весной, в третью луну, а автор «Самгук юса» называет датой его рождения четвертый день восьмой, осенней, луны, см.: Ким Бусик. Самгук саги. Пер. на совр. кор. яз. и коммент. Ли Бёндо. Сеул, 1989, т. 2, с. 7; Корейские предания и легенды, с. 49; Ирён. Самгук юса, с. 74—75. Возможно, это разночтение отражает наличие двух связанных с рождением Ким Альчжи ритуалов — весеннего и осеннего, — подчеркивая, таким образом, полноту, идеальность «облика» Ким Альчжи.

⁷⁸ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 243—252.

⁷⁹ Там же, с. 49—50.

⁸⁰ Именно так этимологизируется имя первого государя Силла Пак Хёккосе. О значении семантики имен собственных в мифе и ритуале см.: Иванов В. В. Происхождение имени Кухулина. — Проблемы сравнительной филологии. М.—Л., 1964.

Итак, с точки зрения временных координат «облик» Ким Суро охарактеризован в «Записках...» как идеальный: он описывается как соотнесенный и с двумя основными типами времени, присущими автохтонной ритуальной традиции, и с общерегиональным историческим временем.

Другая часть системы координат, в которых «облик» Ким Суро рассматривается автором «Записок...», — пространственная. Как показывают исследования А. С. Мартынова, непременным атрибутом государя на Дальнем Востоке считалось наличие особой духовной энергии (в Китае — благодати-дэ), собственно, и дававшее право на основание государства и управление им. Обладание этой энергией давало государю возможность (или, скорее, обязывало его) проводить мироустроительную работу на территории государства, выводить ограниченное некими рубежами пространство из состояния «дикости» (в котором оно либо находилось изначально, либо оказалось из-за упадка предшествовавшей династии) и делать его «цивилизованным». Считалось, что по результатам мироустроительных трудов государя можно судить о его нравственном состоянии, в корейской же традиции — об идеальности (или неидеальности) государя «облика»⁸¹. Как говорилось выше, описание мироустроительных действий Ким Суро на территории основанного им государства Тэгарак является одной из важнейших тем в «Записках...». С точки зрения автохтонной мифоритуальной традиции, эти мироустроительные действия — не что иное, как визуализация пространственной «ипостаси» «облика» Ким Суро.

Мироустроительные акции Ким Суро, знаменующие появление на территории Тэгарак государственности (и, следовательно, «цивилизации»), представлены в «Записках...» в закономерной для корейской традиции последовательности. «Отправная точка» — восшествие Ким Суро на престол (кит.-кор. *чыгви*). Первое, что делает Ким Суро — дает новому государству имя, назвав его Тэгарак. Именно отсутствие «наименования государства» рассматривалось в самом начале «Записок...» как признак «хаотического состояния» будущей территории Тэгарак.

⁸¹ См.: Мартынов А. С. Категория *хуа* в системе традиционных китайских политических представлений. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 8-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). М., 1972, с. 102—103; Он же. Государственное и этическое в императорском Китае. — Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988, с. 285; Воробьев М. В. Проблема верховной власти в раннесредневековой Японии в свете сравнительного правоведения. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 18-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) 1983—1985. Ч. 1. М., 1985, с. 118.

«Наречение имени государства» было первой мироустроительной операцией и у основателя Силла Пак Хёккосе (57 г. до н. э. — 3 г. н. э.)⁸². В этом можно увидеть отражение в древнекорейской культуре универсальных представлений о назывании, наречении именем как о «рождении».

Затем Ким Суро очерчивает границы «цивилизуемого» его усилиями района. «С восточной стороны границей земель Кая была река Хванъсан, с юго-западной — безбрежная пучина морская, с северо-западной — гора Чири, с северо-восточной — гора Кая»⁸³. Определение границ было в дальневосточной культуре актом отделения той части пространства, которую предстоит «цивилизовать», «освоить», от той, которая считалась «дикой зоной, населенной неуправляемыми варварами» (Р. Эймс)⁸⁴. Разделение космоса на потенциально «цивилизуемый» и «дикий» секторы (т. е. пространственное воплощение антитезы «цивилизация» — «безгосударственный хаос») мыслилось как базовая мироустроительная акция. А. С. Мартынов отмечает, что в китайской концепции пространства «воды» и «горы» могли обозначать рубеж «цивилизации», служили метафорой окружающего «цивилизованную вселенную» «дикого внешнего пространства»⁸⁵. В «Записках...» горы и реки также выступают границами, отделяющими «внутреннее» пространство от «внешнего». Кроме того, известно, что указанные в «Карак кукки» рубежи служили границами территории всех каяских общин, а не только Тэгарак. Ким Суро, таким образом, распространяет свою «цивилизаторскую» миссию не только на Тэгарак, но и на всю совокупность каяских общин. Такие пространственные рамки мироустроительной деятельности Ким Суро соответствуют установленному на основании археологических данных факту гегемонии Тэгарак над остальными каяскими общинами, продолжавшейся до V в.⁸⁶

Затем в «Записках...» рассказывается о том, как Ким Суро возводил столицу Тэгарак. Описанный в «Карак кукки» процесс строительства столицы структурно совпадает с ходом основания страны. Основывая Тэгарак, Ким Суро сначала зафиксировал

⁸² Ирён. Самгук юса, с. 67; Корейские предания и легенды, с. 46.

⁸³ Ирён. Самгук юса, с. 183.

⁸⁴ Цит. по: Степанянц М. Т. Человек в традиционном обществе Востока (опыт компаративистского подхода). — Вопросы философии. 1991, № 3, с. 149.

⁸⁵ Мартынов А. С. Самоназвание страны как проблема политической идеологии в императорском Китае. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 18-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) 1983—1985. Ч. 1. М., 1985, с. 199—200.

⁸⁶ Чхон Гвану. Кая са ёнгу (Исследование истории Кая). Сеул, 1991, с. 16—17.

рубежи этой страны (т. е. отделил «цивилизуемое» пространство от «внешнего») и лишь затем построил свой временный дворец (кит.-кор. *кагунъ*). Основывая столицу, Ким Суро сначала определяет рубежи столичной территории — строит внешнюю стену (кит.-кор. *насонъ*). Лишь затем он сооружает дворец (кит.-кор. *кунъгвол*). Сакральный центр «цивилизованного» пространства — государев дворец — может появиться лишь после того, как само «цивилизованное» пространство отделено каким-либо рубежом от пространства «дикого»⁸⁷.

Постройка государева дворца означает, по-видимому, определенную степень завершенности процесса ритуального освоения пространства. Дворец становится той сакральной точкой, к которой сводится вся территория страны⁸⁸. За «устроением» пространственным следует «устроение» социальное — Ким Суро женится и обретает сыновей (т. е. создает идеальную, по дальневосточным понятиям, семью), а затем вводит в Тэгарак китайскую систему управления (т. е. создает идеальное, по дальневосточным понятиям, государство). От пространственного мироустроения к социальному — такова логика мироустроительных акций Ким Суро в «Записках...». Она была задана уже первой фразой «Записок...», где сперва говорилось о пространственной дезорганизованности космоса («не было наименования государства») и лишь затем — о социальной («не было званий государя и подданных»). Описание мироустроительных действий Ким Суро завершается в «Записках...» фиксацией идеального состояния социума: «Путники уступали друг другу дорогу; крестьяне уступали друг другу поля»⁸⁹. Идеальность социума означает, в корейской системе представлений, идеальность «облика» государя⁹⁰. Именно идеальное состояние «облика» государя и являлось, по-видимому, желанным итогом всей цепи мироустроительных акций.

⁸⁷ Ирён. Самгук юса, с. 183. Схема мироустроительной работы «извне-вовнутрь» (внешние границы — столица — государев дворец) прослеживается также в изложенном Ким Бусиком предании о Пак Хёккесе, см.: Ким Бусик. Самгук саги. Пер. и коммент. М. Н. Пака. М., 1959, с. 71—74. Основание столицы сопрягается с основанием страны также в других преданиях об основателях древнекорейских государств — Тангуне-Вангоме и Тонмёне-Чумоне, см.: Ирён. Самгук юса, с. 43—46, 61.

⁸⁸ Аналогичные мифоритуальные функции «алтаря земли и злаков» (кит. *шицзи*) в китайской императорской идеологии были проанализированы А. С. Мартыновым, см.: Мартынов А. С. Самоназвание страны как проблема политической идеологии в императорском Китае, с. 196. О сакральности дворца и столицы в ближневосточной культуре см.: Вейнберг И. П. Рождение истории. М., 1993, с. 174, 189.

⁸⁹ Ирён. Самгук юса, с. 187.

⁹⁰ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия..., с. 12.

Вышесказанное свидетельствует о том, что текст «Карак кукки» составлялся в полном соответствии с корейскими (параллельными общедальневосточным) представлениями о сакральной значимости государства и государя, известными как «система облика». В «Записках...» можно найти временные и пространственные характеристики «облика» основателя государства Тэгарак — Ким Суро, свидетельствующие о том, что этот «облик» идеален. Как уже говорилось, прозаический текст «Карак кукки» отчетливо делится на две части, первая из которых посвящена описанию жизни Ким Суро, а вторая — истории Тэгарак после смерти Ким Суро. Описание жизни Ким Суро практически представляет собой рассказ о его молодости и зрелых годах. Старости уделено лишь несколько фраз. Как кажется, это не случайно. В древнекорейском мифе и ритуале молодость и физическая красота считались неперенными атрибутами идеального «облика». Поэтому именно молодой Ким Суро был интересен автору «Записок...» как предмет описания⁹¹. История Тэгарак после смерти Ким Суро описана как цепь сверхъестественных деяний духа покойного государя, обеспечивших непрерывность принесения поминальных жертв и «идеальный» порядок жертвоприношений. Непрерывность и «правильность» жертвоприношений символизировали вечность «облика» Ким Суро, не подверженного разрушительному действию времени и сохраняющего основное условие идеальности «облика» всякого старшего — постоянный контакт старшего и младших.

Как уже говорилось, автор «Записок...», скорее всего, принадлежал к клану потомков Ким Суро. Попробуем, с учетом того, как был охарактеризован «облик» Ким Суро в «Записках...», ответить на вопрос: с какой целью создавались «Записки...»? Как кажется, ответ может выглядеть следующим образом. В период Силла культ Ким Суро был частью государственного ритуала, а потомки Ким Суро по статусу были практически уравнены с силлаской аристократией. Но с началом периода Корё (нач. X в.) сакральная информация о прошлом была пересмотрена, а силлаские аристократические фамилии (с которыми потомки Ким Суро были тесно связаны) — оттеснены от власти. Доказывая идеальность «облика» своего старшего и вечность, неразрывность своей связи с ним, потомки Ким Суро, очевидно, обосновывали право Ким Суро на государственное ритуаль-

⁹¹ Об эстетическом аспекте «системы облика», подразумевавшем физическую красоту и молодость старшего, см.: Никитина М. И. Древняя корейская поэзия., с. 589—61.

ное почитание и свое — на утерянные позиции в аппарате государственной власти. Учитывая, что после создания «Записок...» представления о Ким Суро как об одном из «совершенномудрых правителей древности» были запечатлены в целом ряде корёских исторических и литературных памятников, а потомки Ким Суро в XII—XIII вв. стали заметной силой на высших государственных постах, можно предположить, что усилия автора «Карака кукки» возымели свой эффект. Что и было, с точки зрения читателя-современника, основным критерием оценки этого произведения.